

Первая из этих тем — личное нестяжание монахов. Вторая тема — строгая монашеская дисциплина: неуклонное соблюдение порядка во время молитвы и на трапезе («слова» 1 и 3), твердый распорядок дня монаха («слово» 6-е — «еже не беседовати по павечернице»), запрещение отлучек (кроме исключительных случаев) из монастыря («слово» 7), специальные меры против пьянства и разврата среди монахов («слово» 9 — «яко не подобает в обители быти питию»; «слово» 10 — «яко не подобает в обители жити отрочятю»; «слово» 11 — «яко не подобает в обители женскому входу быти»). Тема эта была полностью сохранена и даже развита в минейной редакции; но она занимала достаточно видное место и в первоначальной краткой редакции. Третья тема «Устава» — обязательность «рукоделая», постоянного (главным образом физического) труда для монахов. Этой теме посвящено «слово» 8 — «еже подобает потщитися всякому на съборное дело». Принцип общеобязательного «делания» проводился в краткой редакции с большой настойчивостью и последовательностью. Аргументы, которыми Иосиф Волоцкий доказывал необходимость труда, были довольно своеобразны и основывались, повидимому, на какой-то апокрифической литературе. После изгнания Адама из рая, по его словам, «хотяше диавол праздности ради во ин грех устремити его, рекше в отчаяние... Человеколюбивый же владыка, проувидев диавольское злокозньство, даст Адаму дело».¹ Труд, таким образом, происходит от бога, праздность — от дьявола. В минейной редакции «слово» о «соборном деле» было несколько сокращено, а ссылка на Адама — выпущена. Итак, согласно краткой редакции «Устава», монашество должно было основываться на принципах абсолютного личного нестяжания, строгой дисциплины и обязательного труда для всех монахов.

Перед нами, как мы видим, целая программа, повидимому, достаточно радикальная (иначе Иосифу и его преемникам не пришлось бы от нее отрезаться впоследствии). Такая программа могла, очевидно, привлекать к себе приверженцев и увлекать их. Эти особенности краткой редакции «Устава» Иосифа Волоцкого дают, на наш взгляд, некоторые основания для того, чтобы заново поставить старый вопрос: о соотношениях между взглядами Иосифа Волоцкого и воззрениями нестяжателей и, в особенности, первого провозвестника и идеолога этого направления — Нила Сорского.

Традиционный взгляд на «презлых иосифлян» и «заволжских старцев», сложившийся в дореволюционной историографии, был, как мы уже указывали, чрезвычайно односторонним. Нил Сорский рассматривался как абсолютный антипод Иосифа Волоцкого, как воплощение идеи «нравственной свободы» в противовес «догматизму» и «фанатизму» иосифлян.² Опираясь в основном на материалы, относящиеся к XVI веку, историки доказывали, что Нил, в отличие от Иосифа, был противником расправы над еретиками и даже в некоторых отношениях сам был к ним близок, они всячески подчеркивали враждебность обоих «старцев» друг другу и их взаимную полемику (особенно по вопросам стяжания и нестяжания).

А между тем материал конца XV века и, в особенности, сочинения Нила Сорского вовсе не свидетельствуют об абсолютном антагонизме

¹ См.: Сол. 346/326, л. 34.

² Ср.: В. Жмакин Митрополит Даниил..., стр. 33—35 и 107; А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, ч. I, Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882; Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1898; М. С. Боровкова-Майкова. 1) К литературной деятельности Нила Сорского. СПб., 1911; 2) Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912 (в дальнейшем: Предание и Устав).